

Ю.Э. Монастырский: Виталия Алексеевича определяют черты знаменитой дореволюционной профессуры...

Я окончил международно-правовой факультет МГИМО в 1990 г. В 1985 г., на первом курсе, Виталий Алексеевич Кабатов читал нам предмет, менявший мировоззрение пытливых студентов, пришедших обучаться в политический вуз. Тогда ему было всего 61 год.

Профessor Кабатов вел римское право, выказывая себя блестящим оратором, увлекающимся рассказчиком и чутким преподавателем. Виталий Алексеевич говорил на лекциях ровным негромким голосом, без всякого подглядывания в записи, зажигая наши сердца цитатами из правовой латыни. Это было в высшей степени аристократическое изложение с минимальной и красивой жестикуляцией руками, подобное игре в кино, когда персонаж, употребляя высокий литературный слог, делает такие движения для убедительности и подчеркивания своей искренности. Виталию Алексеевичу это очень шло. И столь отточенная манера многим способствовала тому, что аудитория усваивала лучше довольно сложный, но ключевой предмет для торгового отделения факультета.

Но были не только лекции, но и коллоквиумы, когда наш любимый преподаватель участвовал в обсуждении основ римского права, деликатно поддерживая робеющих студентов в их попытках выступать и аргументировать.

С течением времени я понял, что Виталия Алексеевича определяют черты знаменитой дореволюционной профессуры, у которой каждое слово звучит веско, а любая речь лишена недостатков. На это же указывал внешний облик профессора Кабатова — всегда аккуратного, подтянутого, изысканно и хорошо одетого. Вместе с тем собственным качеством нашего преподавателя была необыкновенная отзывчивость и подчеркнутая вежливость к любому студенту — и старательному, и разгильдяю. В те годы в МГИМО были и такие. Он обыкновенно шел быстрой походкой по коридору факультета, часто приостанавливаясь перед подходящими к нему студентами. Далее следовала пауза внимания, пока они говорили. Я помню эту позу корректности и большого уважительного вслушивания Виталия Алексеевича.

Тогда Институт переехал в новое здание на улице Лобачевского. Международно-правовой факультет был небольшой, располагался он в левом дальнем крыле здания. Наш курс — это 32 советских студента, все юноши, и еще 20 иностранцев из союзных СССР стран. Форму одежды — костюм, галстук — заставляли соблюдать строго. Опоздания

грозили отчислением, но везде курили, в том числе на лестничных площадках. Поговаривали, что до этого Виталий Алексеевич сам курил трубку. Он советовал опаздывающим после краткого перерыва студентам «не комкать себе удовольствие».

На втором курсе профессор Кабатов преподавал нам гражданское право, и многие бывшие студенты, уверен, до сих пор вспоминают об этом с благодарностью, так как эта юридическая специализация была перед ними полностью раскрыта, помогла верно определиться в карьере и сделать свой профессиональный выбор.

В частных разговорах юные студенты могут по крайней мере с иронией обсуждать забавные стороны или хотя бы нетривиальные черты либо поступки своих преподавателей, их эпатажный индивидуальный стиль. Виталий Алексеевич никогда не мог быть предметом таких разговоров: во-первых, для этого не было ни малейших оснований, и, во-вторых, он пользовался любовью и непрекаемым авторитетом.

Профessor Кабатов интересно и независимо выступал на общих собраниях Института; при этом он вовсе не диссидентствовал, всегда был точен, справедлив и убедителен. Ему никто не смел оппонировать, видимо, в первую очередь боясь не оказаться содержательным в той же мере, хотя полемический задор у публики был высок.

Память о Виталии Алексеевиче Кабатове останется с нами вечно.

*Юрий Эдуардович Монастырский,
выпускник международно-правового факультета (1990),
кандидат юридических наук,
коллегия адвокатов «Монастырский,
Зюба, Степанов & Партнеры»*